

В погоне за золотым тельцом, или Некоторые подробности одного отъезда

независимая 2004 - 23 апр - с. 15. - (Приложение к Г. Ан. Бранд, № 2, 2004).

Переводчик и литератор Георгий Бен эмигрировал из Советского Союза в Израиль в 1973 году. Пять лет он прожил там, потом его пригласили на работу в Мюнхен на Радиостанцию «Свобода», спустя три с половиной года он перешел работать на Би-би-си и переехал в Лондон, где и живет по сей день.

Мы предлагаем вашему вниманию отрывок из неопубликованных воспоминаний Георгия Бена. Он рассказывает о своей выездной эпопее, изобилующей весьма впечатляющими, а порой и смешными деталями – более или менее типичными для многих выездов того времени. Например, советские граждане с высоким образованием, желающие выехать на постоянное жительство в Израиль, должны были заплатить за свое обучение в вузе. Публикуемый отрывок повествует о том, как Георгию Бену, зарабатывавшему с учетом гонораров в среднем не больше 150 рублей в месяц, пришлось искать деньги, чтобы расплатиться с государством.

Георгий Бен

Человека, который говорит мне, что он презирает деньги, я считаю лжецом, пока он не предъявит мне убедительного доказательства правоты своих слов. Когда же он это сделает, я с уверенностью скажу, что он дурак. Абуль Фарадж

Я очень смутно представлял себе, где добуду деньги, чтобы заплатить за полученное образование. Конечно, я не надеялся, что кто-нибудь подарит мне 3400 рублей за мои красивые глаза. Я рассчитывал на какого-нибудь шильника, который наворовал большие суммы и хочет вывезти их в Израиль, чтобы там получить их из расчета по лире за рубль.

Я вращался в основном среди интеллигентов – русских и евреев, и таких еврейских персонажей, каких я увидел в свои предотъездные месяцы, мне до того встречать еще не доводилось.

Например, в январе 1973 года (еще до того, как я получил разрешение), провозжая своего знакомого, отбывавшего в Из-

мне изрядно надоед, и я, будучи, как всегда, непрактичным, прервал его на полуслове и сказал, что у меня есть всего одна единственная драгоценность и, если мне удастся вывезти ее в Израиль, то мечта моей жизни будет выполнена. Он, видимо, решил, что у меня в значке – по меньшей мере «голубой карбункул», и, затаив дыхание, спросил, что это за драгоценность.

– Эта драгоценность вся перед вами, – ответил я, тыкая в себя пальцем куда-то в середину галстука. – И если я ее вывезу, мне больше ничего не надо.

Старичок посмотрел на меня, как на законченного идиота, и немедленно потерял ко мне всякий интерес. Жаль: я так и не успел спросить его, не мог ли бы он подкинуть мне три-четыре тысячи рублей на бедность.

Вращаясь среди «подаванцев», я надеялся, что они наведут меня на каких-нибудь барышников, готовых одолжить мне деньги. В январе кто-то дал мне чей-то адрес в Вильнюсе, и я поехал туда. Прямо с вокзала я отправился по указанному мне адресу (телефона там либо не было, либо мне не дали его номера). Когда меня впустили в квартиру, там оказалось пять или шесть старых евреев, которые, едва я успел представиться и объяснить, зачем я приехал, подняли дикий гвалт, в котором я сумел различить лишь отдельные слова:

– Гахантии! Гахантии! Какие у вас гахантии?

Я попытался объяснить, что единственной моей гарантией является мое честное слово да расписка, которую я дам своему заимодавцу. Я выразил уверенность, что эта расписка будет иметь полный вес в израильском суде, если я захочу отвертеться от уплаты своего долга.

Однако, видимо, к израильскому суду они относились так же недоверчиво, как к советскому. Каких еще гарантий они в принципе могли от меня ожидать, мне так и осталось неясно. Я понял, что зря потратил время и деньги на билет, вернулся на вокзал и первым же поездом уехал обратно в Ленинград.

Еще кто-то дал мне адрес весьма пожилого москвича по имени Генрих Рувимович Шехтер, и в середине февраля я поехал в Москву. Шехтер жил где-то у черта на рогах – кажется, в Очакове. Он меня очень любез-

Единственной моей гарантией было мое честное слово

райль, я сидел на скамейке в зале ожидания ленинградского аэропорта, пока уезжавший проходил таможенно. Рядом оказался какой-то разговорчивый старичок, который завязал со мной беседу и стал делиться соображениями о том, каким образом можно вывезти в Израиль золото, серебро и еще какие-то драгоценности. Он

но принял, и я провел с ним пять или шесть часов, причем он говорил, почти не закрывая рта, а я лишь вежливо поддакивал. Он рассказал мне, как ловко он разбогател и каким образом ему это удалось. Не раз и не два он повторил:

– Дело в том, что я вижу деньги там, где другие люди их не видят.

Кто-то до старости остается непрактичным, а кому-то наука обращения с деньгами легко дается с детства.

Людвиг Кнауш. Первый барыш. 1878 г.

В качестве иллюстрации он рассказал мне очень дурно пахнущую историю о том, как он еще во время войны умудрился, объегорив каких-то рабочих, получить за их счет три комплекта продуктовых карточек вместо одного (подробностей этой истории я не запомнил). Он показал мне (издали,

и безбедно под теплым израильским солнцем. Когда наконец настала пора поговорить и о моих делах, он объяснил, что не может дать мне деньги сейчас, ибо он меня не знает, но он наведет обо мне справки у своего знакомого. Он отсчитал мне 3400 рублей, положил их в конверт, получил от меня расписку (которую, как он не забыл предупредить, он вывезет в Израиль) и отпустил меня с миром.

С миром ли? Везя в кармане такую гигантскую сумму, я ужасно боялся, что со мной что-то случится, меня бросало то в жар, то в холод, и я молил Бога послать мне такси. Но, к сожалению, Бог не внял моей молитве, да и троллейбус долго не шел. На остановке веселилась и материлась какая-то блатная компания, но, к счастью, они не обратили на меня внимания (знали бы они, что у меня в кармане!). Наконец подошел троллейбус, и, приехав домой, я сразу запер деньги в ящик письменного стола, соби-

раясь завтра же отнести их в банк и избавиться от них, уплатив за свое образование.

На дворе была пятница, а в субботу банк работал только до 12 часов дня. На беду (или скорее на счастье), поздно вечером ко мне в гости зашел какой-то приятель с поллитровкой, мы выпили, просидели чуть ли не до трех часов ночи, и я так крепко уснул, что проснулся только в первом часу дня. Так что приходилось ждать до понедельника. Всю субботу и воскресенье я сидел дома, не спуская глаз с ящика стола, в котором лежали деньги. В понедельник, 17 марта, когда я завтракал и уже собирался бежать в банк, вдруг в большой ажитации позвонил Бетаки (Василий Бетаки – поэт и переводчик. – «НГ») и сказал, что на завтрашнее утро его вызвали в ОБВИ и что, по слухам, плату за образование отменяют. Конечно, после такого сообщения ни в какой банк я не побежал. Во вторник Бетаки пошел в ОБВИ,

и там ему объявили, что в порядке исключения ему разрешают уехать бесплатно. Еще два дня я просидел как на иголках. В четверг я получил из ОБВИ повестку с приглашением на пятницу.

В тот же день пришло письмо от Шехтера: видимо, учуяв, что налог на образование отменяют, он заволновался и, надеясь, что я еще об этом не знаю, сообщил мне адрес человека, готового дать мне деньги. Через день я ответил Шехтеру краткой запиской: «Дорога ложка к обеду». Какие он дальше стал строить наполеоновские планы безбедной старости под теплым израильским солнцем, я не знаю.

Наконец в пятницу я пришел в ОБВИ. Там была тьма народу, гудящего, как потревоженный улей. Все это были «подаванцы», вызванные повестками, многие из них – такие, которым давно пора было уехать. То одного, то другого по очереди вызывали к тому или иному инспектору и объ-

ясняли, что в порядке исключения ему разрешают уехать бесплатно. Инспекторы были в полной оторопи: они отлично понимали, что стали посмешищем. Представляю, что они ощущали, объясняя каждому, что ему делается поправка в порядке исключения – и это после того, как они месяцами угрожали нам, что у тех, кто не заплатит в срок, отнимут разрешение. И за какие грехи советская власть поставила своих верных слуг в такое идиотское положение?

Дожидаюсь, пока вызовут меня, я провел в ОБВИ несколько часов, беседуя чуть ли не со всеми, кто выходил из инспекторских кабинетов: каждый из них был исключением, никто не был правилом. Мы все знаем, что нет правила без исключения. Здесь все было наоборот – сплошные исключения без единого правила. Наконец вызвали и меня, и мне тоже объявили, что в порядке исключения я могу уехать, не платя за образование. Почему советская власть сделала нам всем такой подарок, я до сих пор не понимаю.

Чтобы хоть как-то компенсировать свое унижение перед людьми, над которыми они еще недавно с удовольствием измывались, инспекторы стали давать нереально короткие сроки для выезда под угрозой отнять разрешение. Но этих угроз уже никто не боялся: каждый знал, что им грош цена. Наконец-то мы могли насладиться своей безнаказанностью перед представителями советской власти. Так, моя Смирнова потребовала, чтобы я выехал через семь дней. Это было практически невозможно (ведь одна лишь поездка в Москву

для легализации документов занимала дня три-четыре), и я нагло отказался подписать обязательство выехать в такой короткий срок, хотя Смирнова пригрозила, что мое исключение будет аннулировано, и мне придется-таки платить за образование. Когда через четыре дня я пришел за своей визой, срок выезда мне спокойно продлили до двух недель: этого мне было вполне достаточно.

Бывали ситуации совсем парадоксальные. Кандидат химических наук Давид Кринкин уже заплатил за себя и за свою жену 10 с лишним тысяч рублей за их образование. Он внес деньги в банк в понедельник (как чуть было не сделал я) и сразу пошел в ОБВИ, чтобы сдать квитанцию за уплату денег, но в ОБВИ ему сообщили, что он может ехать бесплатно. Он кинулся в банк, но банк отказался вернуть ему деньги, хотя Давид был освобожден от их уплаты. Никакие апелляции не помогли. Так он и уехал в Израиль, будучи, небось, единственным

Здесь все было наоборот – сплошные исключения без единого правила

Здесь все было наоборот – сплошные исключения без единого правила

ным человеком, который вывез оригинал квитанции об уплате за образование (обычно этот оригинал нужно было сдать в ОБВИ, и все выезжавшие вывозили с собой лишь его фотокопию, сделанную обычным фотоаппаратом: копировальных машин в СССР тогда не было, их мы впервые увидели лишь в Израиле, сразу же прозвав их «мечтой самиздатчика»).

Но у меня была еще одна проблема – деньги доктора Садовника, которые все еще лежали в ящике стола: их надо было отдать владельцу. Обдумав ситуацию, я снова пустился в опасное путешествие на Гражданку. На этот раз я вызвал по телефону такси и опять застал своего заимодавца дома. Я горячо поблагодарил его за готовность мне помочь, но, сказав я, к счастью, его помощь не потребовалась и я с благодарностью возвращаю ему деньги.

– А я их не возьму, – ответил Садовник. – Деньги мне нужны не здесь, а там. У меня – ваша расписка, я вывезу эту расписку в Израиль, и ее признает любой суд. А вы тут делаете с этими деньгами, что хотите.

Я довольно долго его уламывал, но он был неумолим. Наконец (честно говоря, я предвидел такой поворот событий и подготовился к нему) я сказал:

– Ладно. Но завтра я пойду на почту и отправлю вам деньги почтовым переводом. И я сохранию квитанцию, которую вывезу в Израиль. А там подавайте на меня в суд: я смогу доказать, что свой долг я вам вернул.

Тогда, надо отдать ему должное, он смилился и согласился взять деньги – и вернул мне мою расписку. ■